

**О ПРИНЦИПАХ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО
КАРТОГРАФИРОВАНИЯ УРАЛЬСКИХ ЯЗЫКОВ,
РАСПРОСТРАНЕННЫХ НА ТЕРРИТОРИИ
ЯМАЛО-НЕНЕЦКОГО АО**

Н. Б. Кошкарева

Созданием диалектологических атласов занимается такая отрасль языкознания, как лингвистическая география. Ее предметом является установление территории распространения тех или иных языковых явлений и представление их в графическом виде. Диалектологический атлас показывает распределение выявленных диалектных различий либо в виде отдельных графических меток на карте, либо в виде изоглосс. При составлении диалектологических атласов используется метод картографирования — нанесение на географическую карту ареала функционирования тех или иных лингвистических явлений.

Диалектологические атласы бывают разных типов: одного языка, группы близкородственных языков, атлас определённой территории, атласы, охватывающие территории, на которых размещены разносистемные языки, и т. д.

Мы предлагаем начать разработку диалектологического атласа определённой территории — Ямало-Ненецкого АО, где распространены четыре уральских языка, два из которых (хантыйский и коми-зырянский) относятся к финно-угорской, а два других (ненецкий и селькупский) — к самодийской семье языков. Совмещение в рамках одного атласа данных по четырем языкам позволит, с одной стороны, проследить ареальные особенности взаимодействия неблизкородственных языков, а с другой, возможно, выявить черты сходства, обусловленные их генетическим родством.

Создание диалектологических атласов является одной из наиболее актуальных задач мировой лингвистики. Так, к середине 80-х гг. XX вв. насчитывалось около 150 атласов различных языков мира, за прошедшие двадцать пять лет их количество увеличилось вдвое. Среди самых крупных проектов следует назвать «Диалектологический атлас русского языка», «Общеславянский лингвистический атлас», «Лингвистический атлас Европы», атласы балканских, кавказских, прибалтийско-финских языков, языков Австралии, Китая и мн. др.

Созданию любого диалектологического атласа предшествует длительная, кропотливая работа больших научных коллективов, обычно занимающая несколько десятилетий. Представление результатов в виде диалектологического атласа — это лишь верхушка айсберга над необозримым количеством фактического материала, остающимся обычно в архивах исследователей. Так, работа над «Диалектологическим атласом русского языка» проводилась с середины 1940-х до середины 1960-х гг., т. е. около 20 лет, и была беспрецедентной по широте обследуемой территории. Кроме профессиональных диалектологов в ней участвовали все вузы Европейской части России, имеющие кафедры русского языка. В качестве обязательной была введена летняя диалектологическая практика, во время которой студенты под руководством преподавателей собирали диалектологический материал по специально разработанной методике.

Работа над «Общеславянским лингвистическим атласом» началась в 1958 г. и не завершена до настоящего времени. Это крупный международный проект, началу которого предшествовала научная дискуссия на страницах журнала «Вопросы языкознания» (1961 г.), в которой ученые разных стран высказывали мнения относительно того, какие вопросы и в какой формулировке должны войти в общий вопросник, который в настоящее время включает 3454 вопроса по фонетике, лексике, морфологии, синтаксису, этимологии, словообразованию и др. Были изданы «Инструкция к Вопроснику ОЛА» (М., 1967), «Методические указания собирателям материалов по Вопроснику ОЛА» (М., 1968). Кроме того, с 1965 г. издаётся сборник «Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования». К настоящему времени вышло уже 26 сборников научных статей, в которых освещаются вопросы теории и практики картографирования Атласа, исследования по частным и общим вопросам

славянской диалектологии и лингвистической географии.

Это наглядно демонстрирует объем работы, требуемый для осуществления подобного проекта даже для таких хорошо документированных и изученных языков, какими являются языки славянских народов.

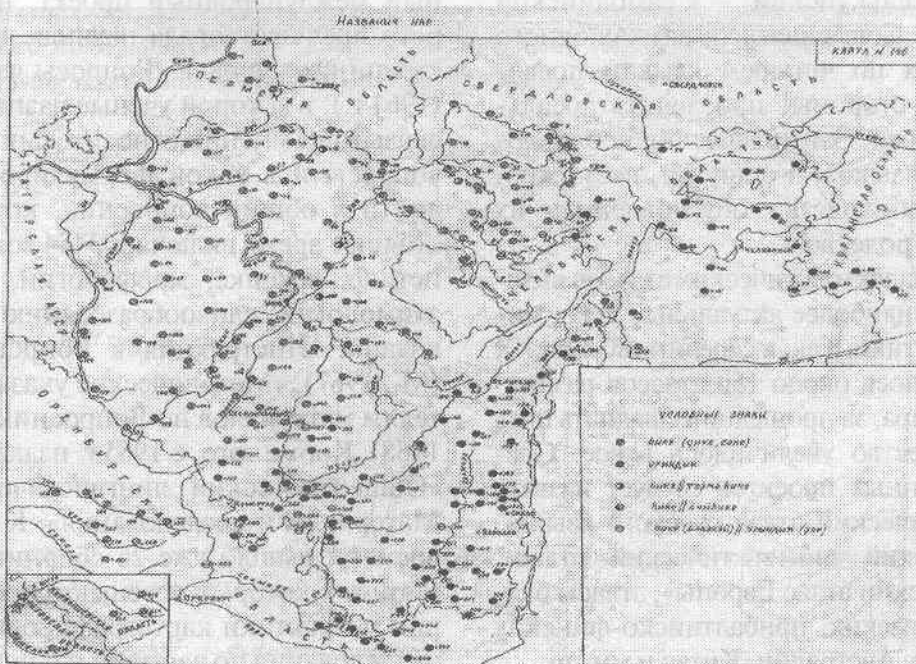
Из диалектологических атласов народов РФ в качестве примеров можно привести «Диалектологический атлас якутского языка», первая часть которого, посвященная фонетике, вышла в 2004 г., а вторая (морфология и лексика) — в 2010 г., а также «Диалектологический атлас башкирского языка» (2005 г.).

Начало работы над «Диалектологическим атласом башкирского языка» относится к 70-м гг. XX в. (общее время работы над атласом составило около 30 лет). К этому времени были изучены все диалекты и говоры башкирского языка, были опубликованы обобщающие монографии по двум опорным диалектам, в которых приводились данные, в том числе, и по отдельным говорам, вышли словари башкирских говоров в трех томах, издан сводный диалектологический словарь башкирского языка. На этой основе была составлена программа сбора материала, которая позволила установить территориальное распространение диалектных явлений, отличающих диалекты и говоры друг от друга. В Программу включались не все явления, относящиеся к структуре башкирского язы-

ка, так как она строилась с учетом предварительных знаний о диалектах и говорах. Соответственно, «Диалектологический атлас башкирского языка» предполагает «определение, установление заранее известных фактов в их территориальном распределении, т.е. неизвестным (иксом) в решении проблем атласа выступает территория явлений» [ДАБЯ 2005: 35]. В основе создания карт лежат, например, такие вопросы:

1. Определить качество гласного *a* — гортанный твердый, средненебный, передненебный, огубленный.
2. Как употребляются слова: с *a* или *ы*? *һауа* или *һыуа* (далее список из 10 слов, в которых наблюдается аналогичные явление).
3. Как употребляются слова: с *a* или *o*? *комай* или *комой* (далее список слов, в которых наблюдается аналогичное явление).
4. Наблюдается ли соответствие в первом и втором слогах широкого *э* и узкого *э*?
5. Сохраняется ли губная гармония по линии гласных? И т. д., всего 32 вопроса по фонетике, 23 по морфологии, 3 по синтаксису, 94 по лексике, 7 по семантике. В атласе представлено 162 карты (например, «Соответствие *a* — *у* (третий слог)», «Формы 1-го лица ед.ч. настояще-прошедшего времени», «Названия шерсти — весенней линьки животных», «Слова со значением *попынь*» и др.).

См. пример карты № 146 и комментарий, которым она сопровождается:

Параллельно употребляемые формы *моёш* и *босмак* (17, 19, 72) ввиду их единичности отведены от картографирования.

В опорных пунктах 9, 14, 15, 25, 40, 41, 55, 56, 57, 67, 68, 69, 70, 71, 84, 85, 102, 103, 107, 110, 118, 119, 121, 122, 124, 129, 130, 133, 134, 139, 140, 142, 143, 144, 145 представлен синоним *босмак*, территорией распространения является западная и северо-западная части республики, бассейны рек Дема и Уршак.

Фонетические варианты *почмак* и *босмак* на карте даны одним знаком.

В опорных пунктах 131, 132, 141, 152, 207, 222, 241, 242, 246 функционируют параллельно *мойош* и *босмак*. Изолиния проходит по бассейну реки Демы и по среднему и нижнему течению реки Сакмары Оренбургской области.

Карта № 146

Составлена на материале вопроса №75 раздела «Лексика»: «Как называется: *ликс*, *урындык* («нары»)?»

В материалах атласа на данный вопрос приведены следующие наименования: *урындык*, *ликс* (*сэке*, *сике*, *сике*), *буйсике* (*буйсике*), *тезмэсике* (*тезмэсике*, *тезмэсэке*).

Лексическим фоном распространения лексемы *ликс* является почти вся территория республики, кроме южной и юго-восточной частей.

За пределами Башкортостана данная форма отмечена в Оренбургской (тук-соранский бассейн), Самарской, Саратовской, Пермской и Свердловской областях.

Оно распространено в опорных пунктах 21, 30, 32, 33, 34, 35, 39, 48, 49, 59, 60, 61, 76, 74, 77, 78, 91, 92, 93, 111, 112, 113, 114, 116, 117, 122, 123, 127, 128, 132, 133, 136, 137, 146, 154, 155, 158, 188, 193, 197, 198, 199, 202, 214, 215, 216, 217, 218, 219, 221, 250 и ее фонетический вариант *сике* – 89, 90, 106, 108, 109, 110, 120, 121, 124, 130, 131, 134, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 152, 153, 180, 181, 196; *сике* – 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 23, 24, 25, 26, 29, 42, 45, 46, 47, 56, 57, 58, 67, 68, 73, 103, 104, 126, 147; *сэке* – 11, 22, 27, 28, 43, 44, 69, 70, 75, 84, 85, 86, 87, 88, 102, 107, 118, 119, 129, 139, 156.

Картографируемое слово в форме *урындык* выявлено в опорных пунктах 20, 36, 37, 51, 52, 53, 54, 62, 63, 64, 65, 66, 81, 82, 83, 94, 95, 96, 97, 98, 99, 100, 101, 115, 125, 138, 148, 149, 150, 151, 159, 160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169,

170, 171, 172, 173, 174, 175, 176, 177, 178, 179, 182, 183, 184, 185, 186, 187, 190, 191, 192, 194, 195, 200, 201, 203, 209, 206, 208, 210, 212, 213, 223, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 233, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 244, 245, 246, 247, 248, 249.

Зонами распространения лексемы *урындык* является южная и юго-восточная части республики.

За пределами Башкортостана данная форма отмечена в Оренбургской (Кувандыкский р-н), Челябинской и Курганской областях.

В нижнем течении реки Агидель, в районе впадения реки Таныш, в опорных пунктах 40, 41, 55 выявлено параллельное употребление лексем *сике* и *буйсике*.

В демском бассейне в одном пункте (133) отмечена форма *буйсике*.

В северных районах республики в опорных пунктах 19, 31, 38 существует форма *сике*// *тезмэсике*, 71, 72 – *сэке*// *тезмэсэке*; в нижнем течении реки Карандель (105) – *тезмэсике*.

В нескольких опорных пунктах южной (157, 204, 205, 207, 211) и северо-восточной (50, 79, 80) частей республики и в Оренбургской области (220, 222) зафиксировано употребление форм *ликс*// *урындык*.

Карта № 147

Составлена на материале вопроса №76 раздела «Лексика»: «Как называется: *койо*, *козок*, *коток*, *оро* («колодец»)»

Получены лексемы *койо*, *коток*, *козок*, *оро*, *койок*.

Доминирующей формой является лексема *койо*, которая распространена в опорных пунктах 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 60, 61, 62, 67, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 74, 75, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 112, 113, 114, 118, 119, 120, 121, 122, 123, 124, 125, 126, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 136, 137, 139, 140, 141, 142, 143, 144, 145, 146, 147, 148, 149, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 165, 167, 171, 172, 173, 174, 175, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 196, 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203, 214, 216, 218, 219, 220, 221.

Данные опорные пункты расположены в северной, западной, центральной, юго-западной и

Работа над «Диалектологическим атласом якутского языка» началась в 1940 г., т. е. продолжается уже около 70 лет, и вначале была направлена на первичное описание якутских говоров. Только в 1973 г. был составлен вопросник, предназначенный для сбора собственно

диалектологического материала, предполагающий сопоставление говоров между собой, а не выявление их базовых черт.

Приведем примеры карт из этого атласа, чтобы показать разные графические приемы картографирования:

Карта 140 показывает места использования слова *кумалды*, употребленного в значении «шляпоустка» и в основном характеризующего северо-восточный диалектный массив, в особенности оймуконский, индигирские и колымские говоры (см. карту 83 ДАЯ II), где наблюдается предпочтительное употребление данного названия. Похоже, что центром иррадиации его была территория древних борогонских и байгантайских якутов, потомки которых и поныне предпочитают наименование *кумалды*.

Карта 141 составлена для демонстрации микроареалов названий шляпоустки *узуутай*, *куады*, *кумэрэр* и *чэдиба*.

В диалектологических материалах еще зафиксированы слова *кэччэ* (горн.), *кэди-лякки* (ивл.), *садык* (олекм.), *уэс* (коб., олекм., токк.), *чэлку* (ивл.) [ДСЯЯ 1976, с. 117, 144, 193, 259, 299]; *куаты* (олекм.), *дыадыба* (усть-як.) [ДСЯЯ 1995, с. 66, 90], но некоторые названия вызывают сомнения в их достоверности.

Комментарий к карте 142
(ареалы названий дивой утки-кюктува)

Составлена на базе материалов дополнительных карт ДАЯ I, ДАЯ II, карт 133 ДАЯ III, 122 ДАЯ IV и словарей ДСЯЯ [1965, 1976].

По признаку преимущественного употребления названий этого вида водозлавающей птицы мы имеем два ареала. Ареал слова *морду* охватывает территорию распространения говоров центральной, олекмо-ивлюкской диалектных зон и говора оймуконских якутов, относящегося к северо-восточной диалектной зоне. Название *морду* отмечено в сахарыском, веронском, усть-янском и ивлюкском говорах северо-восточной диалектной зоны, хотя данная зона характеризуется преимущественным употреблением *мордо*. Единичные случаи использования слова *мордо* зарегистрированы в Намском и Усть-Алданском улусах.

В рассеянных изолдсах встречается слово *моном*, но оно особенно употребительно у олекминских якутов. В ивлюкских говорах олекмо-ивлюкской и в жиганском, оленском говорах северо-западной диалектных зон параллельно существует *модоураа*, а в оймуконском говоре северо-восточной зоны — *горускай*.

Кроме того, в диалектологических словарях мы находим словесное обозначение кюктува: *морос* (сак.), *моёос* (олекм., токк.), *маёос* (аля., кол.), *мурук* (долг.), *чэдибай* (Пек., стлб. 354), *чэри* 'кюктув-самка' (сак.), *чээр-дики* (аб.) [ДСЯЯ 1976, с. 159, 160, 162, 294, 297, 309; ДСЯЯ 1995, с. 65, 206].

Комментарий к картам 143, 144
(названия скрадка (места укрытия охотника на уток))

Составлены на базе материалов дополнительных карт ДАЯ I, ДАЯ II, карт 134 ДАЯ III, 117 ДАЯ IV, словарей ДСЯЯ [1976, 1995].

На карте 143 показано территориальное размещение названия *дурда*. В центральных говорах довольно часто используется вариант *дурда*, отсюда слово проникает в говоры северо-восточной диалектной зоны вплоть до алдановско-колымских. Кроме того, название *дурда* часто отмечается в речи ивлюкских якутов.

На карте 144 отражены ареалы и места употребления других названий охотничьего скрадка:

сэдьэкэ распространен на территории ивлюкских, жиганского, булунского, аныбарского, веронского и усть-янского говоров (*сэдьэкэ*, *сэдьэкэ* < рус. *засадка*, *засидка* [Даль I, с. 565]);

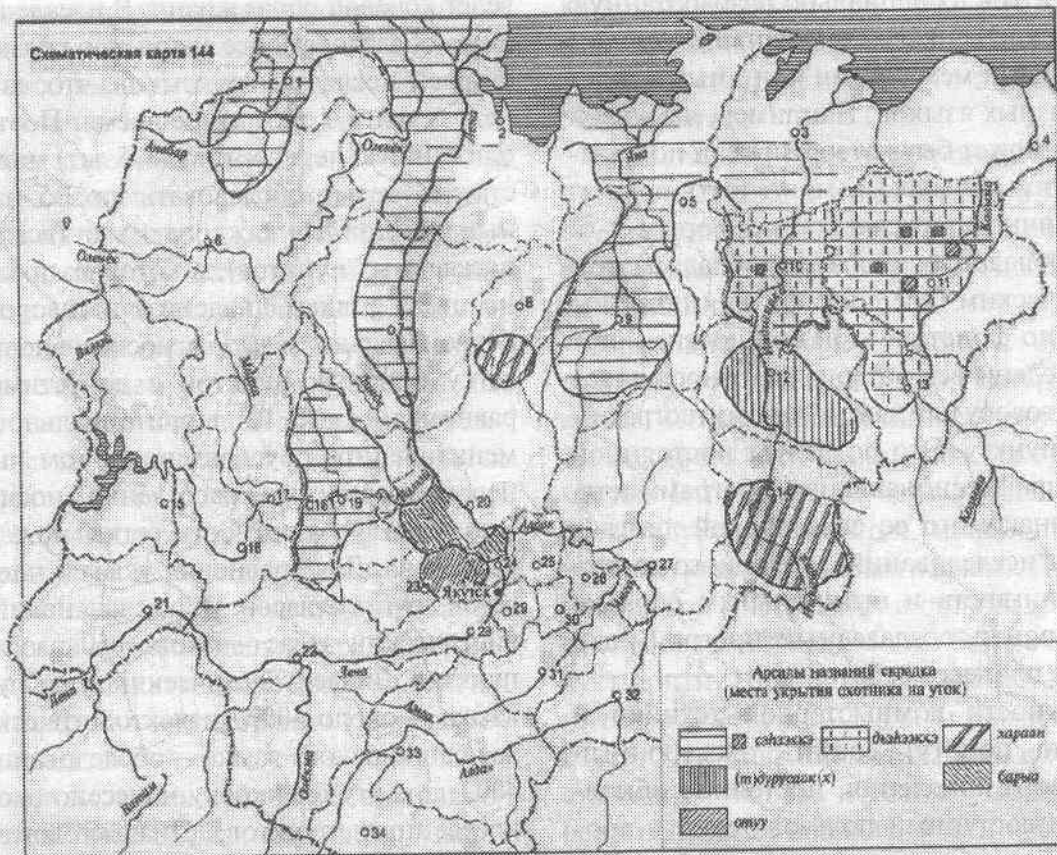
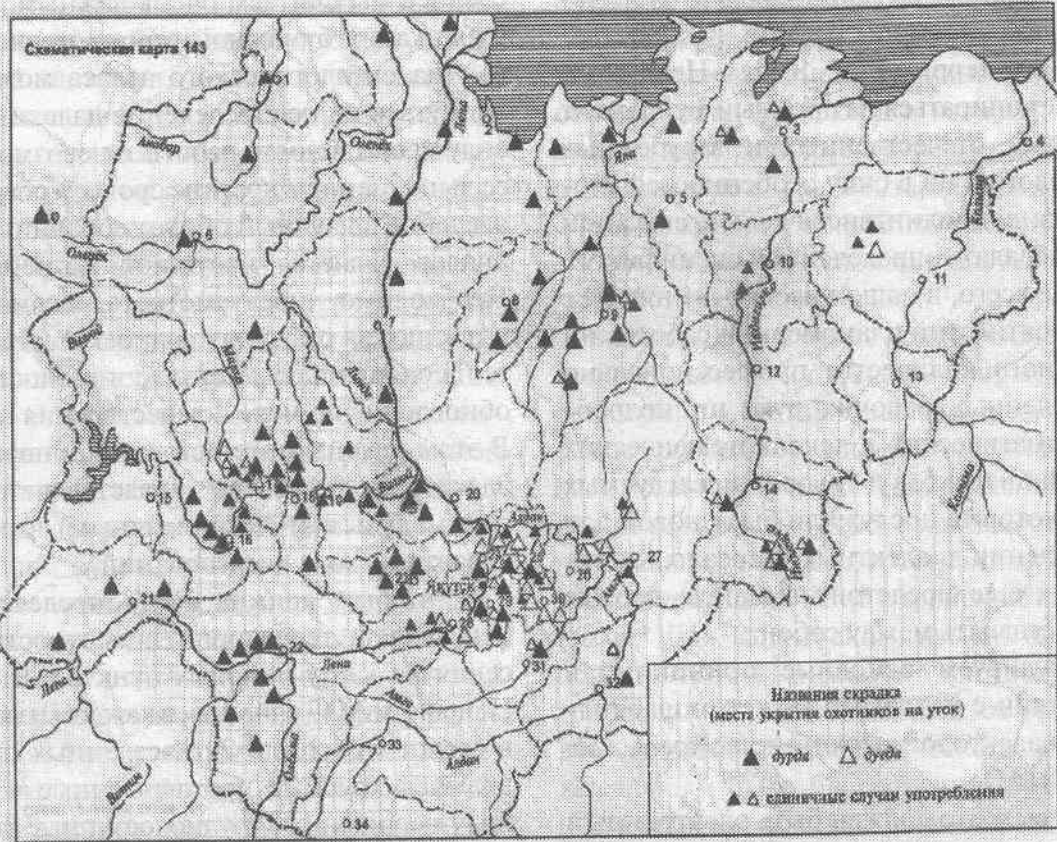
дыдьэкэ используется в ивлюкско-колымских говорах, но местами встречается его разновидность *сэдьэкэ*;

хараан локализуется в оймуконском говоре и местами в сахарыском подговоре северо-восточной диалектной зоны;

дурускаа, *турускаа*, *дурэунаа*, *дурэукаа*, *дурэунаа* фиксируются в немском говоре;

бады употребляется в кобийском и отчасти в намском говорах, *омуу* в горном и намском говорах местами.

В диалектологических материалах найдены: *далла*, *даллаа* (олекм., токк.), *манчым* *отуута* (горн.), *морго* (олекм.), *турэс* (долг., ес.), *хаха* (бул.), *мэксэрэат* (долг.), *ылаайы* (канс.) [ДСЯЯ 1976, с. 83, 156, 163, 252, 277, 315, 316]; *бары* *отуу* (горн.), *далба* (бав.), *сэдьэкэ* (ивл.) [ДСЯЯ 1995, с. 48, 64, 158]. Некоторые из них в отдельных местах в зависимости от традиционного способа, сезона и объекта охоты; возможно, имеют несколько отличающиеся значения, что точно не установлено.

Таким образом, создание Диалектологического атласа уральских языков, распространенных на территории Ямало-Ненецкого АО, может опираться на прочный фундамент достижений отечественных и зарубежных диалектологов, но в силу особенностей сложившейся социолингвистической ситуации должна обладать определенной спецификой.

Прежде всего, в нашем распоряжении уже нет ни десятилетий планомерной работы, ни достаточного количества профессионально подготовленных рабочих рук, ни подробных грамматических и лексикографических описаний диалектов и говоров исследуемых языков, которые послужили бы основой для сопоставления диалектных и ареальных явлений: их еще предстоит выявить, прежде чем сопоставлять между собой.

Сформулируем основные принципы, в соответствии с которыми может разрабатываться Диалектологический атлас уральских языков ЯНАО.

Во-первых, это должен быть электронный продукт, т. е. все собранные данные должны заноситься в специально разработанную базу, позволяющую устанавливать разнообразные связи между теми или иными явлениями разных языков. Например, языковой материал может быть отсортирован по грамматическим признакам (могут быть показаны все лично-притяжательные формы 1-го л. ед.ч. обладателя при ед.ч. обладаемого), по лексическим (все соответствия понятию «зима»), по фонетической общности; могут быть выведены все материалы, относящиеся к одному говору или даже к одному географическому пункту. Это потребует постоянной работы профессионального программиста, хорошо знакомого со спецификой лингвистических исследований, способного понять нужды лингвиста и оптимальным образом корректировать создаваемый программный продукт в процессе работы.

Возможности компьютерной техники и Интернета помогут создать электронный атлас нового поколения, постоянно обновляемый и доступный пользователям в процессе его разработки на разных этапах. По-

следнее мы считаем очень важным, так как публикация бумажной версии полноценного Диалектологического атласа может отодвинуться на неопределенно далекий срок в силу масштабности работы и невозможности ее выполнения в краткие сроки, а регулярное введение в научный оборот собранных материалов является насущной потребностью. Необходимо предусмотреть возможность размещения результатов проекта в Интернете на специальном портале и их постоянное обновление по мере осуществления проекта. В этом отношении постоянно обновляемый электронный ресурс представляется нам оптимальным (и экономичным) вариантом отражения хода исследований.

Во-вторых, должна быть определена степень охвата территории и плотность нанесения на карту опорных пунктов. В Ямало-Ненецком АО 7 районов, в каждом из которых в среднем от 10 до 20 населенных пунктов, включая крупные промышленные города и полузаброшенные труднодоступные поселки. Кроме того, значительная часть населения ведет кочевой образ жизни. В идеале необходимо обследовать все места проживания носителей исследуемых языков, что, конечно, невозможно в обозримое время. Поэтому на ближайшую перспективу (3-5 лет) можно поставить целью обследовать по 3-5 населенных пунктов для каждого языка (всего 12-20 населенных пунктов), в которых проживают носители разных диалектов и говоров, т. е. первоначально задать относительно редкую сетку опорных пунктов с допустимой неравномерностью их территориального размещения (это обусловлено, в том числе, и неравномерностью расселения носителей). Впоследствии плотность сетки может быть увеличена. Для сравнения укажем плотность сеток других атласов: Общеславянский лингвистический атлас — около 850 населенных пунктов, Диалектологический атлас русского языка — около 400, Диалектологический атлас башкирского языка — обследовано около 400, на карту-бланковку нанесено около 250 населенных пунктов, Диалектологический атлас якутского языка — около 220.

В-третьих, в атласе должен быть представлен весь имеющийся в распоряжении исследователей материал, поскольку ни один из изучаемых нами территориальных вариантов языков не обладает ни грамматиками академического типа, ни полноценными словарями, ни хотя бы монографическими исследованиями, которые позволили бы адекватно задать направление поисков территориальных различий, сформулировать действительно существенные для диалектной ситуации вопросы. Электронная версия атласа позволит не ограничивать себя в объеме хранимой информации и обеспечит перспективы для уточнения вопросов, на основе которых в дальнейшем будут строиться изоглоссы. На нынешнем этапе исследования в поле нашего зрения, вероятнее всего, не попали какие-то важные отличительные черты тех или иных диалектов или говоров, поэтому гипотетическая формулировка вопросов может ограничить круг поисков, отвлечь внимание исследователей от пока еще не выявленных признаков языковых систем. Кроме того, все собранные материалы представляют собой безусловную научную ценность и другими исследователями могут быть осмыслены под другими углами зрения, что в конечном итоге обогатит конечный результат.

Чтобы обеспечить полноту отражения языковых материалов, даже тщательно продуманных вопросов недостаточно, так как язык всегда богаче наших фантазий о нем, и нет гарантии, что, задавая те или иные вопросы, мы предугадаем все важные отличительные особенности языка. Поэтому неотъемлемой частью составления атласа является запись текстов в каждом картографируемом пункте — фольклорных, бытовых, автобиографических, на основе которых можно судить о действительном функционировании той или иной территориальной разновидности языка. Эти тексты также должны войти в состав атласа как иллюстрация каждого говора и диалекта.

В-четвертых, в атласе должны быть равномерно представлены разные разделы языковой системы: и фонетика, и лексика, и мор-

фология, и синтаксис. В настоящее время в большинстве атласов существенно преобладает описание фонетических и лексических особенностей диалектов и говоров, синтаксис же, как правило, не отражен вообще или отражен лишь фрагментарно. Эти данные очень важны для общей типологии языков, поэтому объем разделов должен быть по возможности сбалансирован.

В-пятых, остро стоит вопрос о системе записи языкового материала — в практической орфографии (которая далеко не всегда отражает особенности произношения и скрывает реальные фонетические различия, зато делает результаты исследования доступными широким кругам заинтересованных лиц) или в транскрипции? Если в транскрипции, то в какой? Для хантыйского языка, например, общепринятой является финно-угорская транскрипция, отличающаяся от стандарта Международного фонетического алфавита. Идеальным было бы, конечно, представление материалов во всех возможных вариантах, но вряд ли эта цель легко достижима. Поэтому, видимо, при всем стремлении к единообразию придется допустить сосуществование в пределах одного атласа разных систем записи.

В-шестых, формат электронного издания позволит снабдить атлас аудио- и, возможно, видеоприложениями, наглядно демонстрирующими звучащую речь и особенности артикуляции.

Актуальным является вопрос о составе рабочих групп, ведущих сбор материала для атласа. Оптимальным, на наш взгляд, было бы создание сети сборщиков материала на местах. Это могли бы быть учителя, работники клубов, библиотек, пенсионеры, все интересующиеся родным языком. При наличии четкой инструкции и оплаты труда процесс сбора материала может быть очень продуктивным. Наш опыт показывает, что, как правило, умеренной оплаты бывает вполне достаточно, главной мотивацией в этом деле становится любовь к родному языку, интерес и осознание необходимости проводимой работы. Привлечение к выполнению проек-

та широких слоев населения создало бы благоприятную атмосферу для сохранения родного языка и поднятия его престижа, может быть, усилило бы заинтересованность молодежи продолжить образование на родном языке в вузах.

В истории создания диалектологических атласов известно три способа организации работы по сбору материала:

1) при участии только профессиональных лингвистов, которые сами проводят полевые исследования и обобщают полученные материалы. Этот вариант обеспечивает достоверность и качество собранного материала, но весьма непродуктивен с точки зрения временных и материальных затрат, так как лингвист не может проводить в экспедиции все время, и даже при желании — из-за недостаточного финансирования, поскольку оплата проезда, проживания, командировочных составляет весьма существенную статью расходов;

2) сбор материала осуществляется на местах добровольными помощниками, профессиональные лингвисты только обобщают полученные данные. Такой вариант осуществил в 1876 г. школьный учитель Георг Венкер, который начал работу над немецким атласом, разослав 40 тыс. (!) анкет преподавателям народных школ по всей Германии. Достоинством этого варианта является широкий охват географических пунктов, но также и существенная экономия времени и средств, так как требуется оплата только труда исполнителей, экономятся средства на командировочные расходы, работа по сбору материала может вестись практически непрерывно. Недостатком такого метода может стать неточная фиксация или не вполне достоверное отражение информации, но при столь большом количестве собранного материала явные ошибки или неточности всегда бывают очевидны, их легко отбраковать, они составляют незначительную статистическую погрешность;

3) в нашей ситуации разумным было бы совмещение этих двух подходов: материал собирается и лингвистами, и привлеченными к работе энтузиастами. Такой подход уже оправдал себя при составлении диалектологических словарей. При наличии достаточных средств после окончания экспедиции лингвисты могли бы оставлять задания помощникам, предварительно убедившись в их компетентности, добросовестности, заинтересованности довести работу до конца.

И, наконец, для каждого из картографируемых населенных пунктов должно быть подготовлено краткое социолингвистическое описание, включающее указание на численность населения, соотношение лиц разных национальностей, степень владения родным языком у представителей разных возрастных и социальных групп, информацию о преподавании родного языка в школе, обеспеченность библиотек литературой на родном языке и др.

Ближайшей задачей на следующий год является разработка программного продукта, который позволит представить в электронном виде собранные в процессе подготовки диалектологических словарей материалы и начать их первичную обработку.

Таким образом, диалектологические атласы являются удобным инструментом для представления результатов изучения территориального распространения тех или иных явлений, особенно в ситуации многоязычия, при которой на одной и той же территории соседствуют разные языки, не всегда являющиеся близко родственными, а население таких территорий владеет двумя и более языками. Принципы построения диалектологических атласов обеспечивают достоверную документацию языков на синхронном срезе, особенно находящихся под угрозой исчезновения. Осуществление проекта по составлению диалектологического атласа уральских языков будет способствовать их сохранению, а также создаст необходимые предпосылки для написания академических грамматик и полных словарей изучаемых языков.